

РЕЦЕНЗИИ

С. В. Яров

О КНИГЕ Б. Н. КОВАЛЕВА «ДОБРОВОЛЬЦЫ НА ЧУЖОЙ ВОЙНЕ»

Ковалев Б. Н. Добровольцы на чужой войне. Очерки истории Голубой дивизии (монография). Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2014. 524 с.

Участие иностранных войсковых формирований в годы Великой Отечественной войны – тема малоизученная, и не только потому, что вклад сателлитов нацистской Германии оказался здесь весьма малым. Любой историк, изучающий перипетии Сталинградской битвы, в той или иной мере освещает действие румынских, венгерских и итальянских дивизий, но даже в объективистских описаниях видно, как осторожно взвешивают каждое слово и выверяют каждый жест. Возможно, здесь сказались дипломатические и идеологические соображения. Венгрия и Румыния оказались в социалистическом лагере, а касаясь Италии, не могли не учитывать наличие там мощной компартии и в тактических целях воздерживались от пренебрежительных отзывов о боевых качествах потомков Цезаря.

Пребывание испанских «добровольцев» на российской земле служило наиболее ярким опровержением созданного советской пропагандой мифа о «героическом народе». Разумеется, в истории гражданской войны 1936–1939 гг. отличали франкистов от республиканцев, но в обычных агитках это противопоставление часто отходило на второй план – не говорить же прямо о том, что значительная часть испанцев поддерживала каудильо. Эта, скажем прямо, двусмысленность «испанского вклада» наложила свой отпечаток на все версии истории «добровольческой» войны на чужой земле. Франко приходилось лавировать, постоянно оглядываясь не только на Гитлера, но и на «западную демократию», не порывая с ней даже дипломатических отношений и делая все, чтобы в проводимой им политике нейтралитета не обнаружилось тех тенденций, которые дали бы повод объявить Испании войну – у него хватало забот внутри страны. То, что испанцы оказались на второстепенном фронте и на второстепенных ролях, занимаясь преимущественно охраной тыловых коммуникаций, – едва ли являлось случайным.

Сказалось и еще одно обстоятельство. Быт, нравы, поведенческие стереотипы испанцев сильно отличались от немецких практик, вызывая насмешки и даже брезгливые отклики их союзников. То, что у немцев строго регламентировалось и жестоко проводилось в жизнь, у испанцев устанавливалось явочным порядком – хаотично, бессистемно, с лиш-

ними ламентациями и не без театральности. Усвоенный ими возвышенный, патетический образ рыцарей, борцов против «российского варварства», способного поглотить культурную Европу, часто поправлялся реалиями оккупационного быта – насилием, грабежами, побоями, угрозами, унижением человеческого достоинства зависимых от них бесправных людей. Скажут, что иначе им было не выжить – но тогда и не стоит писать пафосные тексты.

Давали о себе знать и архаичные обычаи ведения войны. Обращаясь к эпохе Наполеона, отметим ту решимость, с которой его противник Веллингтон, как «англичанин и джентльмен», поспешил освободиться от сопровождавших его испанских «помощников», грабивших южные департаменты Франции. Спустя столетие, во время гражданской войны в Испании мы обнаруживаем ту же смесь жестокости и рыцарства, тот же быстрый переход от жестокости к милосердию – в знаменитом романе Э. Хемингуэя об испанской войне («По ком звонит колокол») это уловлено очень точно. Без понимания значимости патриархальных традиций многое в испанской «добровольческой» эпопее может показаться причудливым и немотивированным.

Говоря о содержании книги, стоит, прежде всего, отметить ту смелость, с которой Б. Н. Ковалев приступил к изучению этой, в подлинном смысле, «скользкой» темы. Он выбрал очень удачную форму живого, раскованного повествования, не сдавленного железным каркасом «системности» и без утомительных источниковедческих экскурсов. Эта книга – о цене войны, страстный (иногда очень страстный) рассказ о том, что пережили люди, которым некуда было идти и неоткуда было ждать помощи. Отсюда и структура текста – ему противопоставлен догматизм, выдаваемый порой за «научность». Но разве любой житейский разговор не свободен от бесконечных ответвлений и, казалось, ненужных деталей. Таков жанр «продолженного» интервью, когда не перебивают рассказчика, не доказывают ему, что важно и что второстепенно – когда его слушают, сопереживая вместе с ним, пробуя оценить ту бездну, в которой оказался человек на войне. И люди говорили, не умолкая, выплескивая свое горе, оплакивая своих близких, нередко прибегая и к патетическому языку, который оказывался здесь очень уместным.

Источники, которые использует Б. Н. Ковалев, сильно отличаются друг от друга – и стилистикой, и подробностью, и, скажем, прямо, степенью достоверности. Но даже и своей фрагментарностью они показывают нам многоголосие того времени – людей, обвиняющих и оправдывающихся, не чуждых публицистичности, не желающих знать ничего, что противоречило их опыту, наблюдениям, приговорам.

Материалы Чрезвычайной следственной комиссии, широко привлекаемые Б. Н. Ковалевым, редко подвергались источниковедческому анализу, а он нужен, и не надо видеть в этом стремление исказить историю войны и преуменьшить бедствия людей. Та чаша страданий, которую пришлось им испытать, обусловила в чем-то и гиперболичность описаний – Б. Н. Ковалев прав, призывая понять, что это являлось неизбежным, что не может спокойно, без слез и эмоций, говорить человек о жестоком веке.

Можно упрекнуть автора в разностильности представленных им источников. Иногда кажется, что простой их пересказ нуждается в пояснениях, что некоторые записки вызывают настороженность, что кажется необычной их художественная отделка. Пенять можно на многое, – но услышим ли мы полифонию голосов, если будем придирчиво оценивать тембр каждого из них? Ценность книги Б. Н. Ковалева как раз состоит в том, что сотканное им из разных текстов полотно великой народной беды не рвется, оно скроено прочно. Да и, скажем откровенно, даже «героические рассказы», помещенные им в текст книги, сами по себе двойственны. Рассказ об испанском партизанине Франсиско Гульоне содержит описание того, как голодающие бойцы его группы собрали 6000 рублей (!), чтобы помочь России выстоять. Так и предвидишь недоуменные вопросы историка, но комплекс документов, освещающих историю отряда испанского коммуниста Гульона, несомненно правдив – он отчетливо выявляет неразбериху в управлении партизанским движением, пренебрежение к нуждам бойцов, неспособность грамотно организовать их снабжение, даже выяснить, сколько их воевало в лесах.

Встретив иноземных солдат, каждый старался пристально вглядываться в их лица, угадать, откуда может грозить опасность. Эту пристальность взгляда передали нам и исторические, как сейчас принято говорить, «нарративы» – облик «добровольцев» становился более четким. Конечно, бывало всякое, и радовались, когда видели со стороны испанцев проявления доброты, щедрости, благородства, но помнили и о том, что в любую минуту могли получить удар хлыстом по лицу, выстрел в затылок – что уж тут говорить о грабежах и побоях. Грабеж был и мелким, и большим, побои имели тотальный характер: солдаты били русских крестьян, испанские офицеры били своих солдат.

Испанские добровольцы были разными, но не рыцарственным обликом, не трогательной театральностью, не патетикой, не помощью русским отмечены испанцы в народном сознании. Они отмечены буйностью, недисциплинированностью, суетливостью, стремлением, не стесняясь приличиями, поживиться чужим добром, неуважением к чужим традициям и верованиям. Этого не вытравить из народного сознания. Да и сами испанцы заплатили за это очень высокую цену. «Синее небо, застекленное в мертвых глазах» – эта строка Михаила Светлова не только об итальянцах, но обо всех добровольцах и не добровольцах, пришедших в чужую страну и так и оставшихся на ее «белых полях».